

УДК 130.2(930.85)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-20-29

**Братина В.
Братина Б. Р.
перевод Ряпухиной В. Н.**

ГИПЕРТРОФИРОВАННОЕ Я: EGO COGITO À LA SERBE

Братина Вишня, доктор философских наук. Институт философских исследований. Философский факультет, Белградский университет. Студенческая пл., д. 1, г. Белград, 11000, Республика Сербия. E-mail: ubuntera@mail.ru
Братина Борис Рудолфович, доктор философских наук, доцент. Философский факультет, Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице. Филипа Вишньича бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия. E-mail: bokibor@yahoo.com

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент. Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: viktorer_r@mail.ru

Аннотация

В статье представлено историко-философское и историко-культурное исследование творчества мало известного современному академическому сообществу сербского мыслителя Владимира Дворниковича (1888–1956). Основное внимание уделено его наиболее значительной и оригинальной философской работе «Характерология южных славян», в которой автор провозглашает необходимость отхода от кантовско-гегелевской традиции и выдвигает на место «чистого Я» как субъекта мироустройства и миропонимания – Я конкретного индивида, в единстве его национальных и социальных характеристик, формирующихся в историческом опыте и передающихся по наследству. Излагаются основные положения анализа В. Дворниковичем сербского национального характера в широком историческом и культурном контексте, в динамике становления и разрушения его отдельных черт. Делается вывод о правоте Дворниковича в указании на главную тенденцию «кристаллизации формы гипертрофированного Я», которое стало доминирующей моделью во взаимоотношениях внутри сербского общества и в отношениях сербского общества с другими. Показано, как проявления инерции этой тенденции в настоящее время препятствуют формированию адекватного современного сербского национального самосознания.

Ключевые слова: национальный характер; южнославянская психика; характерология; гипертрофированное Я.

**Bratina V.
Bratina B. R.;
translated
by Viktoria N. Ryapukhina**

HYPERTROPHIED EGO: EGO COGITO À LA SERBE

Bratina Višnja, Doctor of Philosophy. Institute for Philosophy of Faculty of Philosophy, University of Belgrade 1 Studentski trg, Belgrade, 11000, Serbia. E-mail: ubuntera@mail.ru

Bratina Boris R., Doctor of Philosophy, Docent. University of Prishtina (Kosovska Mitrovica) Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia. E-mail: bokibor@yahoo.com

Ryapukhina Viktoria Nikolaevna, PhD in Economics, Associate Professor. Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia. Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: viktorer_r@mail.ru

Abstract

The article presents a historical, philosophical, and cultural research into the creative work of Vladimir Dvorniković (1888–1956), a Serbian thinker, who is not generally known in the modern academic world. The research focuses on his most prominent and creatively different philosophical work «The Characterology of the Southern Slavs». In this work, the author declares a necessity to withdraw from the tradition of Kant and Hegel and proposes to replace «the pure ego» as a subject of the world order and world perception with the ego of a concrete individual in

the unity of his/her national and social characteristics, developing through historical experience and passing from one generation to another. The author discusses the main aspects of Dvorniković's analysis of the Serbian national character in a broad historical and cultural context, in the dynamics of development and obliteration of some of its traits. The author concludes that Dvorniković was right when pointing at the main trend of «crystallizing the form of the hypertrophied ego», which had become a dominant model of interaction of the Serbian society with others. The article demonstrates how this trend, as a result of inertia, is currently challenges the development of contemporary Serbian national identity.

Key words: national character; South Slavic psyche; characterology; hypertrophied ego.

В промежутке между началом XX века и Второй мировой войной под влиянием самых разных европейских философов и науки в целом в сербском сообществе текла активная и разнообразная теоретико-философская жизнь. Милош Джурич, окружение Бранислава Петрониевича (К. Атанасиевич и Н. Попович), Д. Стоянович, Неделькович, Ристич, Тасич, Митринович – вот только некоторые из имен философов, активно работавших в тот период (а в отдельных случаях и позднее), которые намечали и прокладывали путь сербской философской мысли. В этом многообразии выделяется Владимир Дворникович (1888–1956), чьи работы имеют исключительное значение как для сербской философии, так и для сербской культуры в целом. Однако, к сожалению, этот ученый недостаточно знаком современной широкой общественности и недостаточно признан большей частью академического сообщества.

Научные интересы Дворниковича охватывают широкий спектр тем, а его наследие включает 472 работы, содержание которых не может быть всесторонне рассмотрено и описано в рамках одной статьи. Этот автор досконально знал всех релевантных мыслителей-теоретиков, интеллектуальные тенденции своего времени и критически их переосмысливал. В своем анализе он использовал междисциплинарный подход и даже «полевые» исследования. Он был первым из сербских писателей-философов, кто дал серьезную классификацию современной европейской и сербской философии. Он познакомил сербское философское сообщество с отдельными философами из других славянских стран; он же, с другой стороны, читал лекции и писал о сербских культурных событиях в Европе¹. Но кроме всего этого, Дворникович на

протяжении долгого времени проводил обширные и детальные исследования психологии южных славян и особенностей их характера, в результате чего появился труд «Психология южнославянской меланхолии» (1925), работа «Борьба идей» (1937) и самое его фундаментальное сочинение «Характерология южных славян» (1939). Мы можем сказать, что это последнее произведение – значительный вклад в сербскую философию, а также в развитие народного самосознания и в обсуждение вопроса о национальной идентичности.

Значение и роль «Характерологии южных славян» невозможно адекватно понять вне широкого контекста идей Дворниковича, прежде всего, идей философии жизни и идеи Югославии, которые он активно проповедовал и которые обусловили для него необходимость создания фундаментальных основ аутентичной философии и культуры южных славян. Находясь под влиянием философии жизни В. Дильтея, а в некоторой степени и иррационализма Ницше, Дворникович считал, что в качестве основы философии необходимо рассматривать не абстракции, а саму жизнь [6, с. 265-266]². Взаимосвязь эта была разрушена в европейской культуре из-за варварского доминирования технико-технологического аспекта над гуманитарным – Дворникович видел в этом главную причину того, что Европа его времени находилась в кризисе. Этот кризис автор понимал не только как интеллектуальный, но также как этический и духовный. Возможность выхода из состояния

(1930), «Индивидуальная психология Адлера» (1934), «Борьба идей» (1937).

² Лучшим свидетельством того, что и сам стиль Дворниковича был живым и природным, свободным от сложных и пустых конструкций, являются похвалы К. Атанасиевич, которая назвала его типичным представителем «рабочей философии, не скованной цепями школьной догматики», заслугой которого «несомненно <...> является то, что помимо бездумного и безжизненного пересказывания философем, на некоторых кафедрах нашего университета, в нашей среде зазвучала и животворящая и самобытная речь о мировой мудрости» [1, с. 225].

¹ Назовем отдельные работы Дворниковича, где прослеживается данная тема: «Современная философия» в двух томах (1919-1920), «Вильгельм Вундт и его значение» (1920), «Исследование психологии пессимизма» в двух томах (1923-1924), «Философия в современной Чехословакии» (1923), «Сербская культурная ориентация в современной Европе»

упадка он связывал со славянами, так как считал, что доминантами их этноса (в отличие от романо-германского) являются обостренное чувство справедливости (правдолюбие), вообще чувства, и интуиция. Однако для осуществления этой возможности необходима была аутентичная национальная культура отдельных славянских народов и единство общей славянской мысли. По Дворниковичу, мышление определяется психологией народа – как, например, на основе греческой психологии формировалась греческая философия или немецкая психология определила немецкую философию, – так и сербская психология должна определять сербскую философию.

Идея определяющего значения психологии в формировании мировоззрения взята из практики психоанализа; отсюда же и идея о том, что на фундаменте определенной психологии, типичной для отдельной территории или народа, создается соответствующая философия. Дворникович как член Сербского общества психоанализа был знаком с идеями Фрейда и говорил о том, что национальная философия является продуктом психологии и идентичности народа. Эта точка зрения базируется на подходе, основывающемся на применении типологического метода и психогенетической процедуры, который еще в 1918 году был представлен Дворниковичем в книге «Die beiden Grundtypen des Philosophierens», а в 30-е годы оформился окончательно. Дворникович, движимый идеей необходимости создания аутентичной южнославянской культуры, как и М. Джурич и Д. Митринович, был сторонником так называемой югославской ориентации³ и верил, что сербскому народу нужна собственная аутентичная философия. Поскольку такой южнославянской (как и сербской) философии не существует, то необходимо ее создать на жизненных началах, под которыми понимается всё, от биологической формы жизни (так называемый биотип или раса), психологического типа, климатических и исторических условий жизни, национальной литературы и искусства (например, музыка и эпос, которым уделяется много внимания не

только в «Характерологии») до материальной культуры, т.е. народного костюма, орнамента, предметов резьбы по дереву или по металлу, фольклора и т.д. Дворникович не обходит вниманием и гегелевских «выдающихся личностей», т.е. политических деятелей и деятелей искусства, которых, однако, выбирает и анализирует на основе того, в какой мере и каким образом они воплощают в себе типичные характеристики психологии народа и этноса. Влияние В. Дильтея тут неоспоримо, но неоспоримо и то, что Дворникович пошел дальше немецкого философа, интегрировав в свои «основные взгляды» опыт Фрейда и Юнга о филогенетической наследственности и архетипах коллективного бессознательного, а также работы Йована Цвийича и множество материалов по этнологии и искусству, которые он изучал *in vivo*. С его точки зрения, все это было необходимо для создания аутентичной южнославянской философии. Поэтому стала нужна «Характерология южных славян», которая объединяет базовые исследования психологии и жизни сербского народа и которая представляет основу для философской надстройки.

Философия, конечно, всегда претендует на то, чтобы быть универсальной мыслью. Однако довольно долго многие известные авторы настаивали на том, что она – исключительная привилегия иудейско-христианской цивилизации. Фактом является то, что и европейский, и заокеанский Запад в том смысле, который мы вкладываем в это понятие в разговорной речи, и раньше, и сейчас в основном пренебрежительно и не дружелюбно относился к философии, родившейся по другую сторону его мыслительных границ. Если допустить нарушение универсальности философии как таковой и свести ее значение к условиям одной цивилизации с претензиями на универсальность, это однозначно дает повод продумать и другой путь, т.е. в философии еще могут проявиться некоторые черты обособления или даже отстранения от имеющихся общих истоков. Этот путь, несомненно, возможен, однако он ведет не к разрушению философии, а является реализацией попытки уважительного отношения к различным точкам зрения (которая выходит за рамки индивидуалистического смысла позиции отдельного Я и имеет более широкое идентификационное значение в группе), а после соблюдения уважения к этим различиям, реализацией некой новой попытки создания философии всего человечества. Так или иначе, на пути развития философской мысли многие его этапы определялись «всматриванием» в то, что есть

³ Этот круг включал самых разных представителей молодежи в университетах и вне их, которых объединяли югославские, панславянские и пангуманистические идеи и сопротивление технико-технологической модернизации Европы и университетской метафизической догматике. Помимо упомянутых Дворниковича, Джурича и Митриновича, к данному кругу принадлежали и такие личности как Н. Велимирович, Д. Стоянович, П. Евтич, В. Вуйович, М. Видович, П. Сланкаменац, Б. Лазаревич и другие [см.: 6, с. 267-269].

человек. Например, Локк искренне задавался вопросом, являются ли чернокожие людьми, а у Гегеля олицетворение человечества принадлежит только так называемым «историческим» народам, в то время как не исторические – это «остатки варварских орд», и в это понятие им включены и славяне, в том числе и сербы. Несмотря на то что и сегодня существуют подобные дилеммы и «перегибы», мы, однако, принимаем единое минимальное сократовское мерило, что человек – это каждый, кто может про себя сказать Я и противопоставить свою личность Другому в диалоге с Другим. Мы также придерживаемся идеи создания философии человечества (пангуманизм) и именно поэтому стремимся с уважением относиться к различным точкам зрения.

Дворникович отмечал культурную разобщенность, неоригинальность и искусственный характер сербского академического сообщества своего времени (что не изменилось и в наши дни), как и обозначенную выше потребность создания специфической сербской философии и культуры. В этой связи К. Атанасиевич писала, что «господин Дворникович прав, первостепенной заботой для нас является создание специфически сербской культуры» [1, с. 224]. И хотя «Характерологию южных славян» Дворниковича невозможно полноценно осмыслить вне контекста условий в то время еще молодого южнославянского государства, ее не следует рассматривать исключительно лишь с этой позиции. По поводу современной сербской философии можно сказать, что она не аутентична, «больна» психологией и имеет еще гораздо худшие симптомы, чем философия времен Дворниковича. Сербский народ всегда был более заинтересован художественной литературой, чем философской, что не означает, что так будет и в будущем. Философия конкретного народа является выражением его потребности высказаться чисто мыслительно, уважая при этом не только мыслительно-культурный, но и мыслительно-познавательный и мыслительно-этический аспект. Эта мыслительная этика и мыслительное познание в конечном итоге, принимая во внимание общие истоки морали и познания, в важных вопросах могут соотноситься и с точкой зрения характерологии.

Это не значит, что философию можно (и нужно) сводить к характерологии – это противоречило бы идеям и самого Дворниковича – это значит, что аутентичный философский потенциал отдельного народа можно найти или

построить на фундаменте его характера. Это дает представление и о действительном значении «Характерологии» Дворниковича для сербской культуры и философии, при беглом рассмотрении которой и сегодня можно сказать, что она имитативна, как говорил Чаадаев о русской культуре двести лет тому назад. Кроме того, в период, когда сербская национальная идентичность, мягко говоря, находится в «кризисе», произведение, которое доброжелательно указывает на потенциально общие генетические источники кризиса психологии южных славян, несомненно, представляет большое значение для самоочищения и сдвига сербского народа с «мертвой точки», на которой он уже много лет находится.

***

Прежде чем перейти непосредственно к характеристикам «сербского динарского человека», необходимо привести некоторые пояснения о том, что дает нам основания говорить о целостном психологическом типе конкретного народа и анализировать его с этих позиций. В этой связи некоторые факторы играют важную роль не только для сербского народа, но и в целом, применительно к каждому народу: раса, природные и погодные условия, а также исторический фактор. В соответствии с учением Дильтея, а также исходя из положений психоанализа, Дворникович считает, что для психологии нации, как и для психологии индивидуума, из всех вышеназванных факторов самое большое значение имеет его история.

В психологическом подходе Дворниковича преобладает рассмотрение в качестве объекта исследования динарского человека; так как сербы в основном населяют динарскую часть территории бывшей Югославии. История данной территории и Балканского полуострова в целом с давних времен и до настоящего времени насыщена перемещениями его жителей, т.е. миграционными процессами и параллельно уменьшением степени неоднородности населения. По мнению Дворниковича, которое разделяют многие авторы, можно выделить несколько этапов этих перемещений и смешений: 1) приход первых переселенцев, иллирийских племен, на бывшие территории древних балканских народов, так называемых алародийцев и паласгов⁴; 2) приход славян на Балканский полуостров; 3) эпоха турецкий завоеваний. К этому мы можем добавить

⁴ К ним можно отнести, например, винчанскую неолитическую культуру.

4) период Второй мировой войны и особенно послевоенный период, а также 5) военные конфликты на территории так называемой бывшей Югославии в 90-е гг. XX века и позже. Что было, то прошло – мнение Дворниковича в этом случае выражено ясно: в османский период произошло повсеместное национальное смешивание, «как никогда ранее... переселение целых народов с одних территорий на другие, <...> прямое сталкивание и слияние различных национальных элементов настолько сблизило и уоднообразило балкано-югославянскую массу на 4/5 всей территории, что на самом деле нельзя больше различать между собой сербов и хорватов, панонских и центрально-балканских динарцев, восточные и западные блоки» [5, с. 311]. В период турецкой оккупации наблюдалось такое взаимопроникновение и взаимопритяжение в каждом аспекте – телесном, душевном, языковом, материально-культурном, – что «наверное нигде больше на свете нет народа, который бы на такой большой территории имел так много общего, как в случае с сербским народом» [5, с. 311]. Именно такой взгляд на историю позволил Дворниковичу, несмотря на очевидную многовариантность этнической культуры и вопреки мнению чешского философа Эмиля Утица, выдвинуть тезис о возможности создания единой для южных славян характерологии. Этим обосновывается применение положений «Характерологии южных славян» к сербскому народу, тем более что, как мы уже сказали, так называемую динарскую часть территории бывшей Югославии в основном населяют сербы.

О первых иллирийских поселенцах на Балканском полуострове известно очень мало, как и о самих иллирийцах. Дворникович утверждает, что динарские психологические и физические особенности, т.е. преимущественно темные волосы, высокий закрытый лоб, голова круглой формы и плоский затылок (т.н. брахикефалия) берут начало не от турок, а от старейших жителей Балкан паласгов. Что касается иллирийских психологических особенностей, то Дворникович называет в качестве таковых агрессивность, характерный динарский суровый взгляд («соколиный»), склонность к восстаниям и затяжной борьбе (Батонново восстание или Великое иллирийское восстание – крупнейший военный конфликт между несколькими иллирийскими племенами и Римской империей с 6 по 9 гг. н.э.), коварство (описанное в «Одиссее»), но в тоже время и

разбойничий дух или, говоря точнее, дух благородных разбойников; это последнее качество, по его мнению, должно было быть под стать иллирийскому пиратству. Мы не можем согласиться с тем, что упомянутые психические особенности являются типично иллирийскими по той простой причине, что об иллирийцах известно мало, а эти особенности можно также объяснить и на основе анализа психологии и исторических условий, в которых жили древние славяне. Помимо этого, античные летописцы, например, Прокопий, Маврикий (Псевдо-Маврикий) или Иордан, сходятся в том, что славяне с давних пор жили в демократии и анархии, не терпя никакой власти над собой. Это были мирные земледельцы, чьей прародиной, по Дворниковичу, были лесистые и болотистые земли между средним течением Днепра, Вислой и Карпатами; под давлением германских и монгольских племен они переселялись на юг. Этот факт особенно важен потому, что их постоянное пребывание, как говорит Дворникович, «между двух огней» германцев и монголов влияло на формирование древнеславянского народного характера. В отличие от Дворниковича, мы считаем, что славяне являлись основным населением Паннонской равнины, так же как и долины Днепра. (Конечно, приход венгров изменил такое положение, однако от чего другого пошло название Паннония как не от панов, господ? Ведь название венеды переведено на латинский как *nobili*.) Также, в отличие от Дворниковича, сербский лингвист Милан Будимир почти во всех своих трудах доказывал наличие в античный период связи славян и Балкан, а также славян и Апеннинского полуострова [см.: 2; 3; 4]⁵. Конечно, некоторые славяне на протяжении веков мигрировали и с территории Украины, как и из бывшей Восточной Германии, и, конечно, в ходе переселения они пересекали и Саву, и Дунай.

В этом смысле исторические и географические условия частично объясняют склонность к анархии: миграции и относительная малонаселенность новых земель значительно усложняли интеграцию и управление рассеянным народом, но способствовали индивидуалистическому образу жизни. Однако анархизм славян объясняется, прежде всего, эгалитарным типом взаимоотношений. Там, где

⁵ Профессиональные достижения Милана Будимира (1891–1975) и сегодня остаются еще не в полной мере известны широкой публике, при том что его главными собеседниками были ведущие современные ему лингвисты.

формировались укрепленные города, славяне жили демократично, на принципах эгалитарности и соборности. Например, при заселении новой территории место для жилища и подсобного хозяйства каждый выбирал сам, а раздел обрабатываемой земли осуществлялся по жребию, и она каждые несколько лет перераспределялась, поэтому, в конце концов, все обрабатывали землю одинакового качества. На общественные цели выделяли примерно 1/100 личного дохода. Можно сказать, что в условиях постоянной угрозы нападения других народов только принятие христианства изменило подобные взаимоотношения между славянами. Эгалитаризм древних славян выражался и в равноправии полов, которое проявлялось в том, что женщины имели равную наряду с мужчинами роль и в культе, и в быту. (Из-за этого многие германские народы презирали славян – у германских племен, как мы знаем, ничто подобное было немыслимо ни до, ни после прихода христианства). На этой основе у сербского народа и сегодня сохранилось глубокое уважение к матери как наивысшей святыне. Только в данном контексте, и ни в каком другом, справедливо утверждение квазитеоретика Отто Вейнингера о славянах как о «феминном народе».

Еще с давних пор, а также в новейшей истории после Гердера, широко известны, с одной стороны, описания кроткого характера славян, а с другой, описания их коварства и порочности и даже военной свирепости. Славяне любили мирную жизнь земледельцев и ни на кого не нападали, но в случае агрессии защищались всеми возможными способами, часто до последнего члена племени. Коварство и порочность, которые славянскому характеру приписывают, в основном, германские летописцы (как и византийские), объясняются как фактом, что славяне были намного слабее агрессоров и поэтому, чтобы выжить, должны были защищаться всеми доступными средствами⁶, так и тем, что авторы данных описаний были пристрастны. Вместо открытого противостояния, в котором они не могли победить, славяне предпочитали партизанскую войну и нападения из засады. Римляне, например, своим солдатам советовали избегать лесов, где славяне имели абсолютное преимущество. Фактор продолжительной обособленной жизни сказался в том, что славяне долгое время не развивали

⁶ Однако в случае необходимости и когда это было в их силах, они сражались «лучше, чем сами римляне», как когда у стен города Салоники появилось пять тысяч славян «отборных воинов, искусных в ратном деле» (Иоанн Эфесский).

военное дело (а стратегию и тактику нападений так и не развили никогда), в отличие от германцев, которым свойственно и то, и другое. (Строго говоря, и германцы военному искусству научились лишь от римлян, а их агрессивный характер можно с частичной долей уверенности объяснить холодным и суровым северным климатом и средой, где они часто находились на грани выживания).

Дворникович ссылается на чешского социолога Яна Душека, который болотистую и неприглядную равнину (мезологический фактор) идентифицирует как главную причину вселения полабских и балтийских славян с конца VII века в нынешнюю Германию. Этот автор считает, что та же причина лежит и в основе славянской характерологической трагедии так называемых бесформенности и податливости, депрессивного жизненного настроения без малейшего элемента бойцовской энергии⁷. Как бы то ни было, кое-что из этого верно. Так, например, славяне населяли центральную часть Европейской равнины (а именно Паннонскую равнину) и вплоть до IX века были ее основными жителями. Равнину тяжело защищать. Отметим, что Дворникович фиксирует множество свидетельств о том, что все славяне начали миграцию из нижнего течения Дуная («Ипатьевская летопись» и др.), а территорию между средним течением Днепра, Вислой и Карпатами определяет исключительно как их прародину. По мнению Душека, это бескрайнее болотистое пространство (чешский историк Ян Пейскер⁸ его называл «охотничьими угодьями рабов») является главной причиной долговременного порабощения, как и главной причиной отсутствия духа государственности у древних славян.

О том, в какой мере название, данное Пейскером, соответствует горькой истине и о том, какой ясно выраженный характер имело отношение к славянам других народов (германцев и монголов), свидетельствуют записи Иордана. По его мнению, славяне хранят на себе отпечаток самого ужасного в истории человечества народного мученичества. Другое свидетельство дает нам язык. Начиная с античных времен, обозначение для рабов отождествлялось с названием славян: латинское

⁷ «Nizina kletbou Slovanstva!» (Jan Dušek, Sociologie: Úvod do myšlení biosociologického. Прага, 1926. – цит. по: [5, с. 278].

⁸ Пейскер в целом был сторонником тезиса о всеобъемлющем дуализме мышления славян, начиная еще со времен Заратустры. Этот тезис он пытался материально подкрепить доказательствами из области топонимики, на примере: Белобог и Чернобог в Чехии, Дайбог и Дайбаба у сербов и т.д. В своей основе тезис не был доказан, а только сформулирован.

sclavus, греческое *Σκλαβηνοί* или *Σκλαβοί*. В этой аналогии особенно необходимо выделить германские языки: немецкое *der Slave* (Дворникович пишет о том, что, царь Вильгельм II, и не только он, славян называл *Bedientenvölker* – рабский народ), итальянское *Schiavoni*, *Schiavi*, французское *esclave*, английское *slave*, а кроме того и прилагательное *sloven* в значении неприятный, грязный. В целом, германская культура продемонстрировала значительную ненависть и презрение по отношению к славянам. Мы очень хорошо можем это видеть у Гегеля. В голове не укладывается то, что он писал о славянах в «Философии истории», «Основных чертах философии права» и др. [7, с. 368, 434–435; 8, с. 464, § 351]⁹; никакая неосведомленность не может оправдать такую точку зрения Гегеля, как не может оправдать и универсальность его системы, как ее до сих пор может себе представлять какой-нибудь правверный гегельянец.

Попутно заметим, что Дворникович иногда проявляет способность делать выводы

⁹ Имеются в виду известные суждения Гегеля о том, что славяне представляют собой единую «огромную славянскую нацию» азиатского происхождения, варварские племена, способные к государственности и мужественной борьбе, в том числе за христианскую Европу против нехристианской Азии, что «часть славян приобщилась к западному разуму. Однако вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире. Здесь нас не касается, произойдет ли это впоследствии, так как в истории мы имеем дело с прошлым». – Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб.: Наука, 2000. С. 368. Также здесь присутствует ссылка на гегелевское объяснение непринятия славянами реформации, толкуемой Гегелем как движение освобождения субъективного духа: «Славянские нации занимались земледелием. Но благодаря этому занятию возникает такое отношение, при котором существуют господа и холопы. В земледелии главную роль играет деятельность природы; человеческая деловитость и субъективная активность в общем менее применяются при труде. Поэтому у славян медленнее и труднее основное чувство субъективной самостоятельности, сознание всеобщего, то, что мы прежде называли государственностью, и они не могли стать причастными к зарождавшейся свободе». – Там же. С. 426. В «Философии права» Гегель рассматривает первоначальное государство патриархального народа как формальное, не дающее ему права на признание со стороны других народов с более развитой государственностью: «его самостоятельность, будучи, не обладая объективной законностью и для себя прочной разумностью, лишь формальной, не есть суверенность». – Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 373. Эта же логика движет и рассуждением об иерархии народов в указанном § 351: «...цивилизированные нации рассматривают другие народы, отстающие от них в субстанциальных моментах государства (скотоводческие народы – охотничьи; земледельческие народы – те и другие) как варваров и неравноправных им, а самостоятельность этих народов – как нечто формальное и соответственно относятся к ним». – Там же. (Прим. ред.)

настоящего структуралиста, как, например, говоря о сербской музыке, он видит, что аутентичная мелодия формируется не в самом нотном тексте, но посредством меандрирований (извилистых изменчивых очертаний, вариаций) около него. Однако он не идентифицирует схожее явление, когда речь идет о наименовании «славянин». Так, правильным названием для славян является «словяне», а не «славяне». «Славяне» или другие имена славян, очевидно, на самом деле происходят от глагола «словити» (в смысле «умно говорить»). Рассмотрение этого понятия самого по себе не открывает его истинного смысла, так как непонятно, зачем нужно специально подчеркивать данное качество. Его настоящее значение открывается только в противопоставлении с названием самых больших врагов славян, немцев. Все славяне, в том или ином варианте, немцев называют «немцы». Таким образом, это, очевидно, обозначает тех, кто лишен способности к умным речам, а не просто возможности говорить. Возможно, это был способ закрепить отличие от тех, кто не договаривается и не ведет переговоров, а завоевывает, чиня резню, а потом это называет миром (Тацит).

В современной историографии (и не только в современной) обращает на себя внимание необычный факт, что термин «славянин» впервые употребляется так поздно (в 491 г.); как будто бы какие-то другие имена скрывали славян, о которых летописцы говорят как о славянах практически только с VI века. Поэтому Йозеф Павел Шафарик предполагал, что славяне, возможно, скрывались под каким-нибудь иным именем. Этот великий филолог XIX века к решению данной проблемы подошел с эмпирической, а не националистической или расистской точки зрения, как это часто делали германские исследователи (например, последователь Энгельса Франц Меринг, как и вообще для немецкой историографии характерно пристрастно негативное отношение к славянам). Так или иначе, Шафарик, найдя упоминания о сербах, замеченных на Кавказе во II веке (по свидетельству Плиния Младшего), зная о лужицких сербах – так называемых вендах или сорбах в Лузании, а также о сербах на Балканах (как и о венедах, которые основывают Венецию и дают название Вене и чье название, по утверждению Милана Будимира, с лингвистической точки зрения сопоставимо с таким этнонимом как вятичи – восточные славяне, которые вплоть до XVIII века возводили

над могилами курганные насыпи), сделал вывод о том, что в этой триаде сокрыто название сербов, которое являлось предшествующим названием для того самого народа, который с конца V века и до настоящего времени именуется славянами. Таким образом, именно Шафарик, а не Ольга Лукович-Пьянович является основоположником теории о сербах как «старейшем народе»; и, как и она, он на самом деле говорит о более старом названии народа, а не о балканских сербах как предках всех славян. К сожалению, точку зрения Ольги Лукович-Пьянович сербская общественность извратила самым позорным из всех возможных способов. Аргументы Шафарика, которыми он дополнительно подкрепляет тезис о балканском происхождении древних славян в противовес мнению о том, что они пришлый народ, Ольга Лукович-Пьянович задокументировала, исходя из историко-лингвистических принципов, – в ответ на это политически ангажированная общественность заклемила ее позором. В продолжение данной работы мы еще будем говорить о том, что такой прием опорочения используется и сегодня.

Исторические условия долгого рабства славян оказали решающее влияние на формирование двух характерных особенностей, которые Дворникович выделяет в сербском динарском типе: это героическая сила терпения и сопротивления, с одной стороны, и свободолюбие и правдолюбие, с другой стороны. Он подчеркивает, что славяне как народ пережили всех своих завоевателей, выстояли и сформировали в ходе истории собственные государства – таким образом «остатки варварских орд» закрепились в облике гегелевского «исторического народа». Большую роль в этом сыграла их сила терпения, совершенно непостижимая для завоевателей. Дворникович говорит: «Не считает ли захватническая нордическая и тираническая татаро-монгольская душа эту сугубо славянскую победу “смирением” самой опасной из всех славянских “славянских хитростей”?» [5, с. 281]. С древнейших времен моральной основой этой пассивной силы, как и свободолюбия, славян является сильное, типично славянское чувство правдолюбия. Правда является высшей этической ценностью всех славян и общеславянской основой характера, из которой проистекают все другие особенности. Это объясняет их чуждость духу завоеваний и сильный инстинкт защитника у славян. В связи с этим Дворникович цитирует польского историка Мачиовского, который утверждает, что у славян

развито чувство справедливости, в отличие от норманнов, которые понимают только язык силы¹⁰.

У Дворниковича метод определения характера и психологии югослава (динарца, в своей последней ипостаси – серба) базируется на гипотезе о существовании континуума психологической сущности сербского народа от древнейших праисторических времен до настоящего времени. Точнее, речь идет о единстве целого посредством соединения различных слоев в процессе приспособления и уменьшения физических, материально-культурных и психических различий южных славян с уже сложившейся динарской идентичностью (динаризация южных славян). При этом Дворникович косвенно поддерживает «гипотезу пеласгов» хорватского историка Ника Жупанича, который утверждает то же самое, однако только в физическом смысле. И тот, и другой считают, что присутствие динарского расового элемента у южных славян обусловлено происхождением от пеласгов, а не от иллирийцев, которые в данном процессе были лишь посредниками. Метод Дворниковича является более комплексным и основан на модели восходящей спирали, в которой «одна и та же основная душевная структура сильнее проявляется то на одном, то на другом круговом витке спирали» [5, с. 320]. По его мнению, динарские, преиллирийские и иллирийские особенности формируют глубинный, антецедентный атавистический слой психики, в то время как вторичные особенности получены от славян и, как таковые, представляют собой слой, который с точки зрения филогенетики сформировался позднее. Конечно, Дворникович отдает себе отчет в том, что генетическая гипотеза и модель имеют свои слабости, но полагает (вполне обоснованно), что их значение нельзя не учитывать при создании характерологии народа. Мы вполне с этим согласны. Однако, хотя мы не отрицаем целесообразность его метода и гипотезы о

¹⁰ Вацлав Мачиовски. *История славянских прав* (в переводе Николы Крстича), изд-во Матице Србске, Пешта, 1856. – цит. по: [5, с. 278]. Таким же образом рассуждал и Сайферт: «...славянин всегда боролся за «людскую справедливость»» (J. L. Seifert. Von Bogomil über Hus zu Lenin. Ein Beitrag zur europäischen Ideengeschichte. Zeitschr. f. Völkpsych. u. Soziol. Hrg. v. R. Thurnwald III, 1927. – цит. по: [5, с. 282]. И сам Дворникович делает схожий вывод: «В то время как некоторые народы считали национальной катастрофой то, что «они больше не могли властвовать над другими народами», славянин всегда страстно желал только того, чтобы быть «своим на своем месте» [5, с. 280-281].

постоянстве в генетическом смысле, думаем, что не было нужды преимущественно связывать этнос югослава с этносом преиллирийских или иллирийских народов. Недостаточность знаний и информации об этих древних народах не позволяют нам делать сколько-нибудь категоричных утверждений.

В соответствии с другой точкой зрения, динаризация славян на Балканах, а особенно на территории так называемой бывшей Югославии, могла произойти только благодаря самой среде. Неправильно было бы любой ценой стараться найти динарскую основу там, где очевидно славянское происхождение каких-то сербских ключевых особенностей. Такие особенности, как мы уже сказали, не могли возникнуть только благодаря среде. То малое, что нам известно об иллирийцах, в большей степени свидетельствует о добровольной ассимиляции со славянами, чем о какой бы то ни было динаризации славян. О самих иллирийцах мы знаем, что они, как и славяне, были светлокожие, русоволосые и долихоцефальные – данный тип наиболее выражен у сербских королей, изображенных на фресках древних церквей и монастырей (где и сам Иисус Христос часто изображен русоволосым)¹¹. Также не было засвидетельствовано ни одной битвы меду славянами и иллирийцами, а это, принимая во внимание то, что иллирийцы не благоволили римлянам, говорит о том, что они легко уживались со славянами. Известно, что на многих римских картах территории зарождения сербской государственности обозначены как «Трибалия», что говорит, по меньшей мере, о неосведомленности самих римлян или о сокрытии идентичности населения территории, которая якобы находится в их владении. Именно самобытность балканских народов, а не только завоевания Алариха, во многом способствовала падению Римской империи. Можно сказать, что заострить внимание на доиллирийских и иллирийских психологических особенностях, вероятно, Дворниковича побудила идея югославского единства, которая требовала обоснования присутствия всех народов на территории бывшей Югославии и рассмотрения

¹¹ Можно было бы сказать, что более поздний, и даже современный, имитационный характер сербской культуры обусловлен тем, что этот характерно славянский эталон красоты заменен византийским типом (маленькая, круглая голова, длинный тонкий нос и тонкие губы) – об этом говорят и материальные свидетельства.

всего исторического континуума Балканского полуострова в данном контексте¹².

Мы считаем, что приведенный нами обзор разрушает многие стереотипы, имеющие место, когда речь идет о территории проживания сербского народа и других близких ему народов. Это очень важно, т.к. ранее историографы, например, такие исследователи как В. Чорович и С. Станоевич, смотрели на эту проблему именно сквозь призму нордических стереотипов как обо всех славянах, так и о балканских сербах. Также большую важность для нас здесь представляли те базовые факторы, которые формируют сознание отдельного народа, и особенно его самосознание, которое, как мы считаем, у сербского народа недостаточно развито. Мы надеемся, что наш труд внесет вклад в развитие сербского самосознания. Мы считаем, что это очень важно в свете значительного ускорения исторического развития. Любое отставание в развитии народного самосознания и отношения к другим национальностям является угрозой существованию сообщества, которое идентифицирует себя как общество, несмотря на изменения своей идентичности в ходе исторического развития.

Окончание в следующем номере.

Литература

1. Атанасиевич, К. Српски мислиоци. Белград: Плато, 2006. 447 с.
2. Будимир, М. Антички становници Војводине–Амантини. ГИДНС. Кн. II. Св. 2. Сремски Карловци: Сербская монастырская типография. 1929. С. 165-175.
3. Будимир, М. Проблем букве и протославянинеке домовине // Работы югославской академии наук и искусств. Кн. 282. Загреб: Югославская академия науки и искусств, Секция филологии. 1951. С. 5–32.
4. Будимир, М. «Pelasto-slavica»: Предраг Р. Драгич Кијук, (перераб.) // Catena mundi: српска

¹² Поэтому он считает правдоподобным предположение Шуфлаева об албанской ипостаси иллирийцев (а не об иллирийском происхождении албанцев). Однако любой сепаратизм абсолютно чужд духу Дворниковича, поэтому такая точка зрения объясняется исключительно его желанием и попыткой найти способ интеграции албанцев в югославское сообщество. С исторической точки зрения, так называемая Иллирия в разные времена находилась на разных территориях. Иллирийцами называли то только народы, проживающие у Ормузского пролива, называемого иногда Отранскими вратами, то все племена адриатического побережья, а то и все народы, проживающие в бассейне Савы и Дуная. Конечно, почему бы какому-то народу не расселиться и на другом берегу реки?

хроника на светским веригама. Кн. I. Матица Срба и исељеника Србие. Краљево; Белград: Ибарске новости, 1992. С. 74–82.

5. Дворникович, В. Карактерологија Југославијана. Белград: Просвета. 1939. 881 с.

6. Жуньич, С. Историја српске филозофије. Белград: Плато. 2009. 503 с.

7. Хегел, Г. В. Ф. Филозофија повиести. Загреб: Наприед. 1966. 490 с.

8. Хегел, Г. В. Ф. Основне црте филозофије права (с Хегеловим властуручним маргинама у његовом приручном примерку филозофије права). Сараево: Веселин Маслеша – Светлост. 1989. 495 с.

References

1. Atanasievic, K. *Serbian Thinkers*. Belgrade: Plato, 2006. 447 p.

2. Budimir, M. *The Ancient Inhabitants of Vojvodina – Amantini*. GIDNS. Vol. II. Part 2.

Sremski Karlovci: Serbskaâ monastyrskaâ typography. 1929. Pp. 165-175.

3. Budimir, M. Problem of the Beech and Protoslavlic Matherland. *Papers of Yugoslav Academy of Sciences and Arts*. Vol. 282. Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts (Philological Department), 1951. Pp. 5–32.

4. Budimir, M. Pelasto-slavica. *Catena Mundi: A Serbian Chronical in the World Chains*. Vol. 1. Matitza of Serbs and Serbian Emmigrants. Kraljevo; Belgrade: Ibarskiye Novosti, 1992. Pp. 74–82.

5. Dvorniković, V. *Characterology of the Yugoslavs*. Belgrade: Prosveta. 1939. 881 p.

6. Šunić, S. *The History of Serbian Philosophy*. Belgrade: Plato. 2009. 503 p.

7. Gegel, G. V. F. *The Philosophy of History*. Zagreb: Napried. 1966. 490 p.

8. Gegel, G. V. F. *The Basic Features of Philosophy of Law*. Saraevo: Veselin Maslesha – Svetlost. 1989. 495 p.